

Давид Робитов

16+

Империя

книга из сборника Время Феофано

Давид Робитов

Империя

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Робитов Д.

Империя / Д. Робитов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

ISBN 978-5-532-03992-6

10 век. Великая Римская империя расколота на две части. В восточной части, в Византии, правит базилевс Константин Багрянородный. Он обеспокоен обучением своего наследника. Во время схватки с пиратами его сын Роман находит себе невесту в провинции. Актрису театра. Во дворце не все этому рады. В государственной политике государь опирается на советы близких людей, а в многочисленных войнах – на федератов и союзников. Аудиенции и его покровительства ищет Ольга, наместница из Руси. Но она сожгла христианский город. Разобраться в этом Константин поручает патриарху Константинополя. Ольга показывает первосвященнику, что Библия не противоречит славянским Ведам.

ISBN 978-5-532-03992-6

© Робитов Д., 2016
© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Глава первая: в танцах мимов	5
Глава вторая: военные и бюрократы	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Глава первая: в танцах мимов

Давно миновали смутные времена Нового завета. Но и позже, в Темных веках продолжалось брожение в умах и расслоение общества. Появлялись новые Евангелия. В каждом селении, в каждом городе был свой Мессия-Христос, понимавший и толковавший заповеди Иисуса по-своему. Все воевали против всех. Состояние войны было постоянным. Настолько, что оно лишь изредка нарушалось перемириями. Это было время, когда формировались народы и нации, а слова и названия имели иное, отличное от дней сегодняшних, звучание и значение. Наша история произошла в середине Темных веков.

– Папа! Расскажи еще про горную страну, где правят женщины – попросила Настя своего отца Алана Каратера, который сидел на скамье у дома и вырезал ножом деревянную ложку. Не так давно, ее отец, ветеран одного из боевых братств, переехал с Кавказа в греческую Лаконию вместе с женой и дочерью. На средства, накопленные за годы службы он смог купить небольшое поместье на возвышенности и открыл портовый трактир в портовом городке Гитио. Там можно было послушать солдатские байки и услышать последние новости со всего света. Он стал добропорядочным гражданином Византии и ромеем.

– Да ты эти сказки наизусть знаешь!

– Ну, пап. Ну, пожалуйста, – не отставала дочь.

– Ну, хорошо, – улыбнулся отец. – Слушай. Когда-то очень давно Род создал Мир. И все, что в мире, с тех пор существует при Роде. Потом Сварог, Небесный кузнец стал бить волшебным молотом по камню Алатырь и из его искр на земле появились Младшие боги и Герои. Он создал первого человека Мана и другие волшебные народы: титанов и гномов, эльфов и русалок, дриад и амазонок.

Это было в стороне, где между морями Черным и Каспийским, возвышаются Альпийские горы. Там находится Вечная белая гора Алатырь, похожая на седло всадника.

Сейчас страну эту называют по-персидски – «жилищем Асов¹», Кавказом. А раньше, до Асов, там жили дикие, покрытые шерстью, и очень сильные троглодиты хунстаги. Они охотились на горных козлов и похищали женщин у ближайших соседей. В долинах между гор обитал другой народ – амазонки, родственные волшебным существам Алмасты или по-гречески – дриадам. Они первые из тех народов стали ездить на лошадях и носить железное оружие. Лихие наездницы, арканом брали в плен врагов, не знавших верховой езды. Или оставляли далеко тех, кто их преследовал. Для продолжения своего рода амазонки нуждались в мужчинах. Поэтому они нападали на пещерные поселения хунстагов. Взятых в плен младенцев мужского пола они калечили, чтобы те не могли убежать и приручали. Амазонки держали мужчин в своих поселках и заставляли выполнять всю черную и тяжелую домашнюю работу.

– А потом? – снова спросила Настя.

– Прошли века. В горы пришли пастухи-сваны² из курдского племени, которых греки называют колхами, со своими многочисленными отарами овец. Пастухи бились с хунстагами за обладание альпийскими пастбищами. Часть троглодитов покорились овцеводам. Они стали служить курдским родам. А непокорные дикари укрылись на неприступных твердых гор.

---

¹ Асы (Азы) – этноним употребляется в отношении потомков мифической прародительницы Аси Звездочки или иначе Аси Святогоровны (у греков плеяда Астеропа, дочь Атланта) вышедшей замуж за бога Велеса. В старом русском языке сохранилось как самоназвание: «Аз есмь». В поздних кельтских мифах Асами называют божественных предков.

² Сваны (шваны) – от индоарийского «шъван» – пастух, сохранившийся в языке курдов племени кальхор (колхи-калхани). Употреблялся как этноним для скотоводов, где преобладало овцеводство. Сохранилось как топоним хребта Свана в Сванетии (Западный Кавказ), а так же как этноним сванского народа, прямо соответствующий макротопониму (напр. франки – Франция). Употребляется в качестве имени собственного.

Сваны стали строить сторожевые башни в горах. А чтобы помериться силой с врагами и найти себе женщин, спускались с гор в долины и нападали на села амазонок. Так и воевали сваны с амазонками. Потом прошло еще какое-то время. И вот в предгорья из степи привели свои табуны коневоды аланы³ Асы. Амазонки потеряли свое воинское преимущество и вынуждены были искать убежища в горах у своих старых врагов. Они потеснили овцеводов и поделили с ними альпийские луга.

Лишь в дни весеннего равноденствия в горах наступал мир. Бывшие враги по древней традиции собирались на цветущих горных долинах. Они пели, танцевали и занимались любовными утехами. Детей, родившихся после тех гуляний, делили. Родившихся девочек амазонки оставляли себе, а мальчиков отдавали отцам.

А еще через какое-то время амазонки заключили союз с конными воинами из долин. Некоторых молодых аланов пустили жить к себе в горные крепости. Так они и живут до сих пор. Женщины по-прежнему остаются хозяйками горных владений, а мужчины пользуются их кровом и гостеприимством. Женщины рожают детей и делают замечательный овечий сыр, а мужчины охраняют тропы в горах и выпасают скот. А еще, молодые юноши и девушки иногда объединяются братские и сестринские союзы. Тогда они совершают набеги на соседей. Чтобы показать друг другу свою удаль и храбрость.

Время амазонок давно прошло, но до сих пор их потомки иберы⁴ называют «папу» «мамой», а «дедушку» – «папой», – улыбнулся Алан.

– А как они называют маму? – спросила Настя.

– Маму называют дядей, как приходящего гостя, – рассмеялся Алан. Засмеялась и Анастасия, потешаясь над смешными обитателями Кавказа. Пока Алан Каратер рассказывал эту незамысловатую историю, его дочь Настя внимательно слушала, широко раскрыв глаза.

– Когда я вырасту, я тоже стану «горной хозяйкой» и у меня будет свое владение. И воины будут приносить мне подарки из дальних походов, – радостно заключила Настя.

– Настя, ты, где пропадаешь? Не возись так долго, мы уже опаздываем на репетицию, – позвала свою дочь Цира, стоя возле запряженного в повозку коня, нетерпеливо бьющего копытом.

– Ну конечно будешь, дорогая моя, – подтвердил Алан. – А теперь пойдем к матери, а то она нас заждалась уже.

Цира, мать Анастасии, была добра, но строга. Воспитанием младших сыновей, братьев Сака и Рома по древнему обычаю занимался брат Циры Кахраман, который так и не обзавелся собственной семьей. Он долгое время жил в поселении вольных казар Шакашены⁵ в гордке Хоранта в междуречье рек Куры и Алазани. Наемники Хоранты сопровождали караваны и корабли купцов из Каспийского в Черное море, а также участвовали во всех военных столкновениях сопредельных государств.

Как только Кахраман узнал о рождении первого мальчика у своей сестры, он оставил Войсковое братство на Хоранте и отправился в далекий Гитио. Алан Каратер был рад доверить воспитание обоих своих сыновей такому умелому профессионалу, как Кахраман.

---

³ Аланы, аланники – от индоарийского "алань" – пастбищное место, годное для сенокоса и скотоводства. Употреблялся как этноним для скотоводов, где преобладало коневодство. До 5 в. макротопоним междуречья Дона и Волги. С 10 в. топоним исторической области Алания (Сев. Кавказ). Сохранилось в самоназвании кабардинской народности. Этноним осетинской (самоназвание иры) народности, обратное соответствующий топониму (напр. Франция – французы). Употребляется в качестве имени собственного.

⁴ Картвельские языки (южнокавказские) – семья языков, распространенных на западе Закавказья, в основном на территории Республики Грузия.

⁵ Шакашен (арм) или курд. Сакасена – «земля Войска саков», центр территории расселения переселившихся с середины I тыс. до н. э. в Закавказье ираноязычных племен саков (южных скифов), образовавших с горцами Албанский союз (26 племенных объединений), или древний Гургистан, «Волчья страна».

Цира была не только хозяйкой имения, но и владелицей театральной студии, где преподавала ученикам благородное мимическое искусство. Студия располагалась в небольшом помещении при амфитеатре на окраине города. Во время занятий, старшая дочь Анастасия помогала матери и постигала искусство перевоплощения вместе с ее учениками.

Азы древнего мимического искусства, столь популярного в империи, старались привить своим чадам все благородные семейства города и состоятельные землевладельцы. В танцах мимов любое движение имеет особое значение, каждый жест, произведенный ладонью – это рассказ. В танце можно имитировать движение растений, жизнь моря, гор, земли и неба. Танец может повествовать о надвигающейся непогоде или рассказывать об окружающих красотах. Настоящий танцор перевоплощается, передавая движение водорослей, шелест пальмы, дуновение ветра и т.д. Овладение искусством смены облика заключалось в умении при помощи пения, лицедейства и движений перенимать характерные черты животных или предметов, сливаться с силами природы и даже воздействовать на них посредством резонанса. Мимическая школа госпожи Циры считалась лучшей во всей Лаконии и слухи о ней вышли далеко за ее пределы.

В воскресные дни, после обязательного посещения церкви и выслушивания скучной проповеди, жители города с нетерпением спешили в амфитеатр на театральное представление. В репертуаре были трагедии Эврипида и комедии Менандра, пьесы на темы армянской мифологии и на злободневные происшествия в Элладе. В комедиях всячески обыгрывались борьба мужа с женой, отца с сыном, раба с хозяином, насилие девушек, связанные с ходом пьесы подбрасывание детей, узнавание через кольца и ожерелья и прочее. Один актер обычно играл несколько ролей, если изображаемые им действующие лица, по ходу пьесы, не выступали одновременно. И хотя в самом амфитеатре нижние мужские ряды были отделены от «женской» галерки, тем не менее, идя в театр, женщины румянились и подводили глаза сурьмой.

Поначалу священники городского храма смотрели на театральные представления, привлекая внимание народа, искоса, как на конкурентов. Традиционную тему менандровских комедий о девушках, забеременевших до замужества, называли не иначе как «подбивание девушек на разврат» или «распутство девушек». Церковники на проповедях цитировали верующим письма отца Златоуста, бичевавшие жителей столицы Сирии, Антиохии за то, что они «в церковь идут лениво, в театр же спешат», а актеров церковники выразительно называли колдунами-чародеями.

Но вскоре все изменилось. Госпожу Циру стали называть примерной христианкой, как бы ни замечая содержания фривольных театральных комедий. Все потому, что она сумела привлечь церковников на свою сторону, наглядно доказав, что лицедейство лежит в основе всех культов, начиная с самых древних. Она предложила свою помощь в постановке литургической драмы. И результат превзошел все ожидания.

Первое представление специальной «трилогии» было поставлено на Страстной неделе. В так называемые «великий четверг» и «великую пятницу». В ней изображался канун смерти Христа, затем его мученическая кончина и, наконец, погребение.

В первой части «трилогии» литургической драмы – «Тайная вечеря» – принимал участие даже архиепископ Эллады, играя роль самого Иисуса Христа.

Под руководством Циры, все актеры великолепно справились с отведенными им ролями. Священник, изображающий Симеона-Петра, очень убедительно изобразил сопротивление, не соглашаясь, чтобы учитель Христос омыл ему ноги. Затем между ними произошел диалог, точно и полностью воспроизводящий общеизвестный евангельский текст. Потом в действие вступил хор храмовых дьячков, славящих христианского бога, называя его «источником света и неугасимым лучом светлым, что снизошел до омовения ног ученикам».

Зрители, зная не понаслышке про написанное в Евангелии, тем не менее, не могли сдерживать слез благоговения. На театрализованные представления сцен из Святого Писания, проводимые в Гитио, стали съезжаться зрители со всей Спарты.

Многие сценарии Цира переняла из аналогичных представлений, проводимых при храмах на своей родине в Тароне⁶. Например, очень популярную постановку «благовещения», представлявшую остро построенный диалог между архангелом Гавриилом и госпожой Марией, матерью Иисуса. Зрителей умиляло удивление девы, когда, услышав неожиданное сообщение архангела, она не в состоянии сразу уразуметь, как это так может произойти... «непорочное зачатие». Сцены из жизни святых сопровождалась «ангельским» пением гимнов шараканов и «божественной» музыкой. Представление привлекало толпы зрителей, с затаенным дыханием наблюдающих за священным действием.

Но больше всего в народе полюбился рождественский цикл литургической драмы. В частности, театрализованный обряд, проводимый в канун праздника Сретения Господня. В «шаракане», написанном для исполнения пелись такие слова: «Светом из света от отца был ты послан, чтобы возродить заново опоганенного Адама. Возшло наше справедливое солнце. Ныне миру принес ты свет и Вселенной – спасение. В Иудее, в Вифлееме явилось ныне солнце правды, ныне свет озарил язычников...».

Словно для того, чтобы окончательно доказать, кто кого на самом деле «озарил», пение процитированного «шаракана» сопровождали исполнением следующего обряда. Перед зданием церкви разводился большой костер из легко сгораемого топлива, преимущественно из терновника. Костру придавался пирамидальный вид и его украшали дикорастущими плодами. Духовенство с крестами и хоругвями, с кадильницами, в которых тлел огонь, и с зажженными свечами в руках выходило из церкви и проходило вокруг пылающего костра.

Прихожане, заполнявшие церковный двор, эти потомки солнцепоклонников, сотни лет как сменившие веру прадедов на христианство, принимали деятельное участие в праздновании «Сретения Господня». Девушки и молодые, недавно вышедшие замуж, женщины, становились в кольцо хоровода, тихо и торжественно кружась вокруг зажженного огня. По мере того, как пламя разгоралось, хоровод ускорял свое движение и усиливал слабое вначале топтанье ногами. Когда пламя значительно спадало, хоровод расступался, и появлялись молодые люди, недавно женившиеся, женихи и вообще юноши. Они начинали легко перепрыгивать через огонь догорающего, но еще не потухшего костра. Когда пламя совсем утихало, то же самое проделывали только что вышедшие замуж женщины, быстро пробегая мимо почти угасшего костра.

Можно было не сомневаться, что участники этого обряда искренно вознегодовали бы, если бы кто-нибудь вздумал, перефразируя их же слова, сказать им, что на самом деле «свет язычества озарил» христианскую церковь, что они повторяют обряд «очищения в огне», веками совершавшийся их прадедами. Жители города и окрестных поселений с нетерпением ожидали повторения театрализованных обрядов, ставшими вскоре городскими обычаями Гитио.

В преддверии осеннего праздника урожая, город бурлил. Со всех окрестных земель крестьяне свозили на ярмарку урожай. Торговцы заранее покупали места в торговых рядах, стараясь занять ряды поближе к площади. Заезжие купцы брали в аренду складские помещения в порту, где хранили привезенные на продажу изделия, и где надеялись собрать купленный товар. Ярмарка сулила неплохие барыши.

---

⁶ Тарон (у греко-римских авторов Таронитида) – гавар (область), ашхара (провинция) Турубран, к западу от озера Ван. Главный город – Муш. Располагался восточнее византийской Четвертой Армении.

В канун ярмарки в театральной школе госпожи Циры царил ажиотаж. Надо было поставить и отрепетировать несколько юмористических сцен из жизни города, исполняемых на подмостках, сооруженных на рыночной площади, и дать спектакль в Амфитеатре – сцене, расположенной у подножья горы на окраине города. Повсюду в Византии на подмостках играют одинаково. Короткие пьески на злободневные темы. В них высмеивали жадность и людские пороки. Не делая исключений для сильных мира сего. Священники, как правило, терпимо относились к вольностям мимов. Аристократы наслаждались постановками и весело хохотали вместе с простыми зрителями.

– Чем тебе помочь, дорогая? – спрашивал Алан, ссаживая жену из повозки возле студии.

– Алан, дорогой. Обо мне не беспокойся. Настя останется со мной. У нас много дел в студии. А вечером буду ждать тебя, поедем вместе домой. У меня странные предчувствия. Я волнуюсь о мальчиках.

– Не беспокойся, кормилица с ними. Она так и квохчет над ними, как наседка. К тому же за домом присматривает Кахраман. Старый бродяга сможет защитить их в случае непредвиденных обстоятельств.

– Да, ты прав. Я, наверное, просто устала. Алан, пожалуйста, поговори с подрядчиками и поторопи их. Через три дня открытие ярмарки, а подмостки еще не готовы.

– Хорошо потороплю. Как раз сегодня я буду на собрании предводителей городских цехов у эпарха. Ближе к вечеру заеду за тобой.

Собрание, на которое был приглашен Алан Каратер, проходило в центральном здании городской курии. Оно сохранилось, как памятник былой демократии – местного самоуправления. Еще басилевс Лев VI покончил с демократией муниципального устройства, подчинив города государственной власти. Теперь городом управлял эпарх – градоначальник, облеченный громадными полномочиями, стоявший на самых высших ступенях византийской чиновной лестницы. В его обязанности входило, прежде всего, охранение общественной тишины и безопасности в городе. Для этого в его распоряжении находился большой штат служащих, которые составляли приказ или иначе секрет эпарха. Ведомству эпарха подчинялись все городские объединения: и городская корпорация нотариусов; и ремесленные цеха ювелиров; и изготовителей полотна, воска, мыловаров, кожевников, хлебопек. А также купеческие объединения мясников, торговцев шелковыми тканями и шелком-сырцом. Крупных продавцов и торговцев различными мелочами: мясников, рыбаков и трактирщиков.

Каждая корпорация пользовалась монополией, так что под страхом строгого наказания запрещалось заниматься двумя различными ремеслами, даже близко подходившими друг к другу. Вся внутренняя жизнь цехов, их устройство, производство, место торговли, нормировка цен и барыша, ввоз в город и вывоз из него и т. д. – все это подлежало строгой регламентации со стороны государства. Свободной торговли и свободного производства не существовало. И главным лицом, имевшим право вмешиваться лично или через своих представителей во внутреннюю жизнь цехов и регулировать их производство или торговлю, был городской эпарх Гортио.

Алан, кроме небольшого поместья на плоскогорье, был владельцем и постоянного двора с трактиром в порту. Поэтому приглашался на собрания у эпарха, проводимые в здании бывшей курии, как представитель корпорации трактирщиков. За неоднократное оказание помощи городу Гитию в сборе налогов и других услугах в управлении города, Алану было присвоено почетное звание городского ректора, не связанного обычно с исполнением каких-то определенных функций.

Суматошные дни перед ярмаркой, пролетели как одно мгновение. Ежегодный осенний рынок, приуроченный к празднику урожая, был в самом разгаре. Ближе к центру площади и театральным подмосткам было так тесно, что казалось яблоку негде упасть.

Вечерело.

У портового трактира, под небольшим навесом, спасающим от палящих лучей солнца, потягивали вино Алан и два его гостя экзотического вида. «Уважай странников и считай самого себя странником», – учил когда-то Бус Белояр⁷, просветитель Руси. И Алан свято соблюдал его заповеди. Его трактир пользовался популярностью среди моряков и морских бродяг с севера – варягов. Тут всегда можно было услышать новости из Болгарии, Руси и Хазарии. Поэтому гомону и толчее базарной площади Алан предпочитал неторопливую беседу со своими гостями.

Первого его гостя звали Сивый Конь или попросту Сивый. Бродяга из донских казаков с восточного берега Русского моря – Азова. «Солдат удачи», вольный наемник из печенежского Войскового братства «Белых гусей», волею судеб заброшенный в Гитию. Его голова была гладко выбрита, но из-под черной бараньей папахи виднелся оселедец белого цвета. В левом ухе блестела золотая серьга.

Второй был вождем-рихом остроготов из Таврии. Он отзывался на имя Эрман Рыжий. На собственной ладье с командой профессиональных воинов рих промышлял охраной купцов или нанимался для участия в военных стычках. Сев за стол, он снял со своей головы металлический шлем, украшенный рогами барана. Длинные рыжие волосы, заплетенные в косы и уложенные на голове, заменяли ему войлочный подшлемник. Его длинные рыжие усы тоже были заплетены в косы. Необычный вид собеседников притягивал удивленные взгляды прохожих.

– Ты я вижу, совсем остепенился, Алан, – качал головой Сивый. – Оставил братство, завел дом, жену, детей. Теплая кровать и никакого сабельного звона и запаха крови. Может быть, и меня когда-нибудь потянет на покой. Но объясни, почему именно здесь, а не на Дону или Сакире? Снятся, наверно, родные места?

– Как тебе сказать? Были причины уехать подальше от Кавказа.

– Нелегко было стать византийским гражданином?

– Ромеем стать не сложно. Если материально обеспечен, и владеешь греческим языком.

– Как же ты свылся? Чужая речь, ромейские бюрократы, – расспрашивал Сивый.

– Что ты. Здесь на Пелопоннесе славян больше, чем греков. Три века назад аварский каган, поднял славянское ополчение с берегов Дуная на войну с империей. Многие земляпашцы так и остались на ромейских территориях. Например, славянский город Триполи известен далеко за пределами Пелопоннеса. Хотя населяют его уже не славяне, а вполне лояльные и верноподданные ромеи, говорящие на официальном греческом языке Византии. Но и славянские обычаи, и говоры там в ходу. На них говорят в быту. А язык степных кочевников считается солдатским языком общения. Ну, а сборщики налогов везде одинаковы. Тут на них хотя бы управа есть в виде Свода Законов – Эпинагоги.

– Но почему в Лаконии? Наверно, потому, что в этих местах выращивают превосходных бойцов?

– Не то. Это когда-то Спарта выращивала превосходных воинов и поставляла фаланги «солдат удачи» для всех государей по всей Европе и Ближней Азии. Но сейчас они повыводились. Осталось только их славное имя. Нынешние спартанцы не смогли противостоять даже славянским переселенцам и предпочли уплыть от их лапотного войска на Сицилию. Лишь

---

⁷ Белояр Бус, тюрк. Бусан-Баксан, готск. Баксак, визант. Бож, лат. Вох (род. 295 г., ум. 368), Великий князь (царь) Руси Лебедийской (Алании – Антии). Дука Тартарии. Владыка вселенной с 338 г. Сын Великого князя Дажень-яра (араб. Джайнасар, арм. Джуаншер). Славянский просветитель. Способствовал выводу христианства с уровня сектантства на уровень мировой религии. Принял мученическую смерть в 368 году.

после того, как славянские землепашцы забросили мечи и снова взялись за плуги, коренные жители посмели вернуться на свою родину Спарту, – ответил Алан с сарказмом.

– Тихая старость и медленное угасание не по мне, – вставил слово Эрман. – Смерть в бою – в лучах славы и во цвете лет. Да так, чтобы потомки с восхищением вспоминали. Вот это по мне.

– Умереть в бою – невелика мудрость. Вот попробуй-ка защищать и содержать семью, вырастить достойных детей. Это медленный и титанический подвиг. В этом слава! – возразил Алан. – И свершить этот подвиг заповедовал нам Будаи Бус.

Эрман промолчал. Изгой, вечный скиталец, он так и не смог завести семью.

– Ну, хорошо, а что нового на Таврии и в Малороссии? – спросил Алан Эрмана, переведя разговор на другую тему.

– Как всегда Русы и Готы делят власть. Но нет единства не у тех ни у других – проворчал Эрман. – Гаутинги из племени свеев объединились с русами варягами, а грейтунги Таврии с тервингами, олигархами Керстень⁸. Вдова князя Игоря из Вышгорода, который остался ей в кормление, старается сохранить царское место для своего малолетнего сына Святослава. А до его возмужания всю власть взяла на себя. В Самбатосе⁹ ее называют регентом-наместником. Да как не назови – все бабы – дуры! – в сердцах сплюнул Рыжий Эрман.

– Стремление матери понятно, – покачал головой Алан. – Что в этом плохого?

– На это место претендует и род Рюриковичей, и род Амалов¹⁰. Никита – глава боярской Думы Керстень хотел решить этот вопрос полюбовно, женившись на вдове. Но она выбрала войну.

– Если за Амалами стоят тервинги Коростень и грейтунги Таврии... Что может противопоставить этой силе вдова? – удивился Алан.

– Э-э, ошибаешься друг Алан. При ее дворе много наемных викингов. И свейские братства там имеют большое влияние со времен конунга Одда Вещего¹¹, убившего риха Аскольда. Одд после смерти Рюрика сумел приумножить боевые дружины Русов и передал их Игорю. После смерти князя Игоря, эти дружины перешли на службу к вдове. А посадник из Новгорода на Волхове постоянно рекрутирует ей новых викингов. И отправляет пополнение в Вышгород.

С такой поддержкой она совсем страх потеряла. Сначала по приказу вдовы живьем закопали двадцать поместных князей, уговаривавших ее выйти замуж за боярина Никиту Амала¹². Потом викинги на службе регентши порубили девять тысяч грейтунгов Таврии и сожгли стольный Керстень, старейший город Приднепровья.

– Значит, Коростень больше нет? Жаль. Говорят, этот город основал сам Арий Древний. Где же теперь будет столица, голунь Приднепровья?

– Несложно догадаться. Теперь голунь Руси в Самбатосе. Правда, с недавнего времени его стали называть Кийгардом или Киевом на Непре.

---

⁸ Керстень – от готского слова Кёрстень – Коростень (Германцами жителей города назвал Лев Диакон (кн.6.10)) буквально означает – "принадлежащий кресту". Славянское название голуни (столицы) Искоростень можно перевести как город «Бога на кресте». Голунь, расположенную на притоке Днепра реке Ворксле по "Книге Велеса" основал сам Арий до н.э. У Голуни, согласно "Книге Велеса" было "300 городов и сел – дубовых домов с очагами" (Троян III, 361). Город сожжен в 946 г. по приказу княгини Ольги.

⁹ В 4 веке село Сабаншиково (греч.Самбатос) было подчинено голуни Искоростеню. С 5-го века, – Новый Киев, который имел "10 городов на юге, немного сел – и все" (Бус III,763). С 9-го века в составе варяжской Руси – Кийгард, он же Киев град. С 10 века, при наместнице Ольге – столица Руси, Киев на Днепре. Современный Киев на Украине.

¹⁰ За мифическим Гаутом (Одином) и двумя промежуточными членами следовал Амала, от которого, по преданию, ведет свое название царский род готов. Потомками Амалов считались Биллунги, герцоги Саксонии, которые также известны как Амелунги.

¹¹ Брат жены Рюрика Ефанды, норвежской принцессы. Известен, как летописный Вещий Олег.

¹² Вследствие особенностей написания и перевода известен, как летописный Нискиня Мал.

– А ты был там во время резни, учиненной варягами? – спросил после недолгого молчания Алан.

– Я не успел, – коротко ответил Рыжий.

– Грейтунги не собираются взять реванш? – после некоторого молчания снова спросил Алан.

– Уже не зачем, – махнул рукой Эрман. – Амалы проиграли эту войну Рюриковичам. Вдова принудила выживших бояр тервингов к миру, взяв детей Никиты Амала, Малушу и Добрыню, себе в заложники.

– Значит, грейтунги смирились с поражением? – удивился Алан.

– А что ты хочешь? Мы потеряли уже четыре тысячи воинов под стенами Керстения. И это в то время, когда страна Дори¹³ на полуострове Таврия сама разорена войной. Крепость Дороса переходит то к грекам, то к хазарам. Многие грейтунги хотели начать новую жизнь в Приднепровье. Но были побиты северными наемниками. Драться с викингами – дело неблагодарное. Поэтому многие подались на запад, к ляхам. А по мне, так лучше попытать счастья в царствах Средиземья.

– А что же вдова? Не захочет ли она пойти дальше? Например, захватить страну Дори?

– «Кишка тонка», – усмехнулся Эрман. – Рюриковичи контролируют земли только до порогов Дона непры¹⁴. А добраться до страны Дори можно только, пройдя через речные Пороги, которые контролируют степные печенеги. И драться с ними викингам не по силе, потому что передвигаются в основном по воде.

Зато ростовщики хазарского царства Атиля¹⁵ могут предъявить претензии регентше по долговым обязательствам ее покойного мужа. А ты знаешь, как они могут выколачивать долги. Так что баба дура осталась «один на один» с малехом Всемирной торговой организации рахдонитов, знающих торговые дороги.

– Да уж, – усмехнулся Алан. – Если по указанию кагана Хазарии объединятся печенеги и грейтунги, то варяги Русь снова будут драпать от Кийгарда до Хомограда, как во времена Гостомысла¹⁶. Что думаешь, Сивый? Пойдут аланы росы и казаки с правобережья Дона по приказу кагана на варяжскую Русь?

– Про всех печенегов не скажу, – с ленцой протянул Сивый Конь. – Но вольным казакам и аланам России мусульманский каган не указ! Тем более малех, царь иудей, который учинил гонения на православных христиан. Бус учил: «Не воздавай злом за себя, но воздавай за поругание веры». Так что православное казачество с берегов Маныча не будет слушаться малеха. Но, если понадобится, выступит на стороне православных грейтунгов Дороса.

– И что же, по-твоему, предпримет вдова? – снова спросил Алан у Эрмана.

– И думать тут нечего. На востоке у нее Атильское царство Хазарии. На западе – царство Болгарии, прикормленное рахдонитами. Так что раздавят вдову, как в тисках. Что ей останется? – Задал вопрос Рыжий и сам же на него ответил: – Византия! Вот сюда она и пойдет на поклон, уповая на защиту Владыки вселенной и союзный договор, подписанный еще Игорем. Но простит ли базилевс вдове самовольную расправу над своими федератами из страны Дори? Забудет ли он сожженный христианский город византийской епархии? Кто знает...

Мужчины помолчали, потягивая вино и раздумывая. А потом Алан обратился к Сивому Коню:

---

¹³ Дорос, Мангуп, княжество Феодоро, Крымская Готия – названия области в современном Бахчисарайском районе Крыма в различные исторические периоды.

¹⁴ От устья до порогов – Дон бире, выше порогов – Дон непры. Современная река Днепр, греческий Борисфен.

¹⁵ Атиль – последняя столица хазар в устье Волги, недалеко от современного города Астрахань.

¹⁶ Гостомysl (ум. ок. 860) – легендарный князь ильменских словен, сын легендарного князя Буревоя.

– Ну, а теперь ты расскажи нам свою историю. Какая нелегкая забросила казака так далеко, от милого сердцу Дона Роси¹⁷?

Тот пригладил свои усы и, усмехнувшись, стал рассказывать:

– Однажды ехал я из войскового стана на побывку домой. К берегам Маныча. Навестить отца с матерью. Дело было весной, и потому одинокий всадник стал желанной добычей для стаи волков. Они набросилась на меня неожиданно. Отступить было поздно, и я повернул навстречу врагам. Двух взял на копье, одного ударил мечом. Но волки успели подрезать ноги коня. И я опрокинулся вместе с ним. Отбиваясь ножом, прикончил еще одного зверя. Оставшиеся хищники сообразили, что добыча от них не уйдет. Надо только подождать. Они отошли и залегли недалеко. Конь был смертельно ранен. Я снял с коня все, что можно, попрощался с другом и прервал его мучения. Взвалив на себя седло и пожитки, я поковылял по степи, а волки занялись трупом коня.

– Повезло, что смог идти, – заметил Рыжий.

– Да, повезло, что отца моего звали Убейволка. И еще повезло, когда набрел на поселенцев землепашцев, ружан. Деревенку в три дыма у жалкой речушки возле леса. Там меня и накормили, и раны перевязали, – продолжал рассказ Сивый.

– Наверно, и девы там были? – поддел рассказчика Алан.

– Девки то были, да вот ходили там все, как на поминках, – парировал Сивый.

– А что так? – снова спросил Алан.

– Испугались его чуба, – хохотнул Рыжий.

Сивый Конь и глазом не повел. Отхлебнул винца и продолжал:

– Задолжала деревенская община жиду атильскому. Вот и ожидали в гости «золотых чаек».

Наступило молчание. Каждый из мужчин знал о «золотых чайках» – алларисиях, гвардейцев атильского малеха, не знающих жалости. История селян была обычной. Сначала ростовщики Атиля щедро ссужали в долг землевладельцам. Но, в конце концов, приходило время возвращения долгов. Несмотря на войны, засухи и прочие несчастья. А чем же отдавать? И тогда приходили алларисии. В уплату долга «золотые чайки» забирали детей селян. Ведь торговля людьми была одним из основных источников дохода рахдонитов.

– Я видел алларисиев, но не сталкивался с ними. Что за люди? – Нарушил молчание Эрман.

– Братство казар с берегов Гурганского¹⁸ моря. Их курени разбросаны в правобережной лесостепи Итиля, где не смолкают крики чаек. А золотые, потому что золота, в виде браслетов и цепей носят на себе больше, чем сейчас в кошелях у нас троих вместе взятых, – ответил Сивый.

А Алан изложил историю появления алларисиев подробнее:

– Поначалу на земле золотых алан в устье Итиля, рахдониты поставили небольшой перевалочный караван-сарай со складами – Астархан. А сами обосновались на большом острове и назвали его Атиль. Вроде старого Византия, который построили рахдониты в узком проливе между морями. Только Византию повезло больше. Император переселился в их «паучье гнездо», когда был в полной силе. И смог заставить Всемирное торговое сообщество работать на себя. Но кагану Хазарии в Атиле повезло меньше.

Около двухсот лет назад, великий полководец дамасского халифа Мерван Кру¹⁹ перешёл горы, где стоят жилища Асов, по-персидски – Кавказ, и разорил резиденцию кагана в устье реки

---

¹⁷ Современная река Дон, греческий Танаис.

¹⁸ Современное Каспийское море.

¹⁹ Мерван по прозвищу «Кру» («глухой»), Марван II (688 – 6 августа 750) – последний, четырнадцатый, арабский халиф (744—750) династии Омейядов, правивший в Дамаске. Известный полководец.

Терек. Сам каган Хазарии был взят в плен. Униженный и разоренный он смиренно принял веру пророка Мухаммеда²⁰ и признал себя вассалом дамасского халифа. Мерван, удовлетворенный, что распространил халифат на земли Хазарии, вернулся с богатой добычей в Дамаск.

После такого удара каган уже не смог оправиться. Он переселился на один из островов возле Астархана. Вскоре его первый визирь, а по совместительству председатель Всемирной торговой организации рахдонитов, сам стал государем. А Великий каган хазар постепенно скатился до начальника гвардии на службе у малеха. Так Хазарский каганат превратился в Атильское царство. А войско «золотых» алан стали укомплектовывать гулямами. Воинами, попавшими в рабство. Или наемниками с юга.

– Ну и как? Дождались деревенские «золотых чаек»? – спросил Рыжий. Он долго поглаживал усы, усваивая рассказ от Алана.

– Дождались, – угрюмо ответил Сивый. – Они хотели забрать всех детей не старше двадцати. Семь девушек и пять мальчиков. Всех!

Мужчины снова помолчали. Жестокость торговцев людьми задевала некую тонкую струну в их душах, давно потерявших чувствительность на войне. Каждый думал о своем.

– Я предложил уряднику двадцать золотых монет. Тех, что я заработал за год войны. Этого должно было с лихвой окупить долг деревенских жителей. Но спесивый пес рассмеялся мне в лицо и нагло велел не вмешиваться.

– Ха. На рынке Багдада они получили бы эти деньги за одного. А за девственниц намного больше, – прокомментировал их отказ Алан.

– Зря он не взял мои золотые. Гусь всегда бьет чайку, хоть и покрытую золотом, – усмехнулся Сивый.

– Только если не нарвется на стаю. Сколько же их было? – с любопытством спросил Алан.

– Всего пятеро. В одного я метнул нож, к другому вскочил сзади на коня и свернул шею.

Еще двух положил на мечях. Но один ушел.

– Четыре волка, четыре воина: Один давал тебе знак, – подытожил Рыжий.

– Да я так и понял.

– Ну а дальше то что? – спросил Алан.

– Что, что. После того как я разобрался с алларисиями деревенские собрали свой нехитрый скарб, спалили дома и ушли в лес. Я отдал им половину того золота, что снял с трупов. С этим золотом да на новом месте заживут, как бояре. За ними следом и я подался в бега. Идти назад в Россию, минуя Саркел, царскую крепость малеха, я не решился. Алларисии мстительны. А их хозяева найдут меня и в Войсковом братстве. И даже атаман не спасет. Вот я и подался сначала на пороги Дон-буре, а оттуда с купеческим кораблем на имперские земли. Пережду, пока поутихнет немного. Как думаешь, Алан, смогу я здесь наняться на службу?

– Мозгами Бог не наградил, зато сердцем не обидел, – подытожил Рыжий.

– Сын своего отца, – добавил Алан и объяснил свою фразу для Эрмана:

– Его отца зовут Кутуз Убейволка, то есть бешенный. Ну, а он сын своего отца – Кутузозов. – Алан хлопнул приятеля по плечу. – Конечно, оставайся, друг. Найду тебе дело. Только, для начала, тебе придется отрастить волосы на голове и избавиться от волос на подбородке. По поверьям местных ты выглядишь, как выходец с того света, – весело оскалился Алан. К нему присоединился заготовавший Рыжий, а Сивый Конь озадачено почесал бритый затылок.

Так они балагурили, неспешно потягивая винцо, наблюдая за суевой порта, морем и облаками.

---

²⁰ Мохаммед, (араб.) Мухаммад, (рус.) Магомёт или Магомёд; (571-632 г.) – арабский религиозный и политический деятель, проповедник единобожия и центральная фигура ислама.

А ярмарка в городе продолжала бурлить. На сколоченные подмостки выходили те, кто зарабатывал на развлечении толпы. После выступлений бродячих жонглеров и фокусников, на подмостки вышли мимы. Площадь замерла в предвкушении зрелища.

– Уважаемая публика! Сегодня перед вами выступят лучшие мимические актеры города...

– А-а-а! Спасайтесь! Пираты! – внезапно донесся истошный крик со стороны порта.

Наступила тишина, предшествующая буре. Потом крик подхватили. С быстротой степного пожара страшная весть охватила весь город. Люди заметались, опрокидывая товары, лавки и друг друга. Это показалось страшное лицо того, что предшествовало любому появлению пиратов – паника. Начавшись в порту, волна панического ужаса докатилась и до центральной площади. Внезапно послышалась тревожная дробь барабанов. Это стража города добавила свою лепту в общий переполох. Затем на улицах города появились вооруженные группы пестро разодетых людей. Следуя планам своих капитанов, пираты знали точно, куда идти и что захватывать в первую очередь.

При появлении первых признаков нападения с моря Алан не стал терять ни минуты.

– Эрман, Сивый! Помогите мне. Будем пробиваться отсюда к площади. Надо забрать жену и дочку со сцены, – прокричал Алан своим спутникам, для надежности сопровождая свои слова жестами.

– Давай сначала соберем моих людей! С ними мы сможем атаковать их корабли в порту, – предложил Эрман, стараясь перекричать вопли снующих людей.

– Нет времени! – прокричал в ответ Алан. – Да и где ты будешь искать их в этой кутерьме? – Понимая, что Эрман тоже, прежде всего, думает о своих людях, добавил: – Не маленькие. Позаботятся о себе сами. Найдем их потом! И побежал в сторону центра города. Его спутники бросились за ним следом.

Нелегкий это был путь среди ошалевших и мечущихся горожан и заезжих гостей. Но вот уже показалась и площадь, где у подмостков сгрудились актеры. Госпожа Цира сумела удержать их от панического бегства. Она знала, что ее муж обязательно придет к ним на помощь.

– Цира! Настя! Берите своих мимов за руки и бегом за мной. Будем пробиваться к храму, – проорал Алан, стараясь перекричать толпу. Потом он и его случайные боевые товарищи положили руки на плечи друг другу и сомкнули головы. Так было принято в братствах во время коротких совещаний во время сражения.

– Браты! – сказал Алан, на правах местного взявший на себя роль атамана. – Идем «журавлиным клином» в направлении храма. Того, что на горе. Я по центру! За мной – мимосы. Сивый Конь прикрывает правое крыло. Рыжий Эрман – левое. Вперед! Вперед!

Быстро темнело. В воздухе повис тяжелый запах гари и дыма. У дверей храма стоял священник. Его окружало несколько десятков дрожащих и причитающих прихожан. Держа крест в руке, он беззвучно шевелил губами, подняв глаза к небу. Храм был местом спасения и защиты, признаваемым всеми племенами и народами, всеми религиями. Даже еретическими. Но не разбойниками и пиратами. С возвышенности хорошо были видны драматические события, происходившие в городе.

Из сумерек выскочил Алан с группой сопровождающих.

– Отец мой! Иди внутрь, принимай женщин и детей и там молись за нас. Мужчины останутся снаружи со мной. С Божьей помощью мы остановим пиратов, – перемешивая греческие и славянские слова, сказал Алан.

– Благослови тебя Бог, сын мой! – священник с облегчением взглянул на появившихся защитников: – О Цира, Анастасе! Проходите скорей в храм, – засуетился священник.

– Папа мой, с нами раненые. Если укажете, где их разместить, я смогу оказать им посильную помощь, – на безукоризненно чистом греческом языке, без акцента произнесла Цира.

– Конечно, конечно, дочь моя. Располагайтесь вот здесь. Анастасе, пойдем со мной. Я покажу, где брать воду.

Между тем перед храмовыми воротами трое товарищей вновь сомкнули головы.

– Браты! Строим баррикаду и очень быстро, – обратился Алан к своим спутникам.

– Мы что втроем ее будем оборонять? – уточнил Рыжий.

– Будем собирать к ней всех, кто может держать в руке камень или палку, – ответил Алан.

Товарищи принялись стаскивать к площадке перед входом в храм, скамейки, снятые с петель двери и прочий хлам. Рыжий даже нашел где-то на задворках брошенную телегу.

– Эй! Все, кому жизнь дорога идите под щит «Журавля»! – закричал в мечущуюся на церковном дворе толпу Алан.

На площадке перед храмом закипела работа. Из ближайших улочек к баррикаде подбегали испуганные люди. Их быстро ставили к делу. Осмысленная работа успокаивала и воодушевляла их.

– Работаем! Работаем! – подгонял их Алан.

– Это еще что за «Журавль»? – посреди снующих людей, Рыжий сохранял ледяное спокойствие и даже строя баррикаду умудрялся вести с приятелями познавательную беседу.

– Это щит братства, в котором Алан проходил воинскую выучку, – пояснил Сивый. – Я слышал атаманом там еще ходил Робити Лад?

– Да, брат, это так, – подтвердил Алан.

– Странное имя. Интересно, что же оно означает? – поинтересовался Рыжий.

– «Робити лад» на языке коренных жителей России означает «устраивать порядок» среди людей, – стал объяснять Алан. – С юных лет Лад знаменит тем, что постоянно что-то улаживал, находил какие-то соглашения. Он даже смог обустроить жизнь своих братьев в стране саков на реке Алазани. Ну, после того злосчастного похода на город Портав, который арабы называют Барда. – Эрман мотнул головой, показывая, что знает ту историю. – Тогда из братства осталось в живых лишь горстка казаков. И я в их числе. – Алан на минуту остановился, вспоминая былые дни. – А прозвище так прочно прилипло к атаману, что наверно он и сам позабыл имя, данное ему при рождении. Знаете, друзья, иногда я мечтаю, что когда-нибудь мои сыновья увидят вольный Дон Роси и вдохнут полной грудью запах степной полыни, – мечтательно закончил свою речь Алан.

Карательная экспедиция империи 949 года к оплоту пиратства Средиземноморья – острову Криту, окончилась неудачей. Островитяне, объединившись с морскими разбойниками северного побережья Африки – Магриба, а также с разбойниками Азии из крепостей Тарса и Триполи, стали настоящим бичом восточного Средиземноморья. Их сплотила единая грабительская идеология, занесенная на берега Африки сектантами от ислама – карматами фатимидами, исмаилитами. Они выступали под черно-белыми знаменами, ставшими визитной карточкой пиратства. Все не вступившие в их секту считались врагами, против которых дозволены были ложь, предательство, убийства, насилие. Подкрепленное грабительской идеологией пиратство процветало. Под черно-белые знамена вступали разбойники, грабители, изгои, отверженные в своих странах, авантюристы всех мастей и просто жаждавшие приключений и наживы.

Два пиратских главаря, Хасан с Кипра и Лев из Триполи азиатского, нынешним объектом своего налета наметили небольшой портовый город Гитио. Они были уверены, что защитники его, понадеявшись на естественные укрепления бухты и защиту византийского флота, будут застигнуты врасплох. По сведениям, доставленным торговцами, в городе проходила осенняя ярмарка, а в самой бухте не было ни одного военного корабля.

Была еще одна, тайная причина, но об этом знали только капитаны. Гитио наметили еще и потому, что там жила некая танцовщица Цира. Вот ее то и надо было доставить в Три-

поли к торговцу рабами, который обещал за нее баснословные деньги. Ходили слухи о заказе, поступившем от самого правителя Мидии Атропатены²¹. Впрочем, пираты не задавали лишних вопросов. У каждого пиратского капитана было по две галеры, набитые народом из разных племен. Всех их объединила одна вера – жажда наживы за счет грабежа обывателей.

В сгущающихся сумерках триеры, не возбудив подозрений, преспокойно вошли в бухту под зелеными флагами Испанского халифата, дружественного Византии. Зеваки и портовые служащие, наблюдавшие за бухтой, заметили, как корабли осторожно подошли к причалам, один за другим. Прошло несколько минут, и зеленые флаги сменились на черные.

С бортов галер на пирс «посыпалась» разношерстная пиратская братия. Засверкали клинки, пролилась первая кровь. Раздались истошные крики. На развивающихся черных флагах выплясывали джигу белые буквы, похожие на кости скелета.

В городе лихорадочно забили в барабаны, послышался звук трубы, созывающей стражу и ополчение. Невзирая на гнетущую жару и свой немалый вес, городской эпарх поспешно направился к курии. За ним рысцой трусили его телохранители. На площади перед ней уже спешно собирались стражники и ополченцы. Равдухи, воины, исполняющие полицейские функции, и горожане, способные носить оружие, собирались дать отпор разбойникам, с отчаянной решимостью людей, понимавших, что в случае поражения им не будет пощады. Зверства пиратов были общеизвестны, и даже самые гнусные дела регулярных войск бледнели перед жестокостью морских грабителей.

На улицах уже кипели отчаянные схватки, где разрозненные отряды самообороны пытались отбросить к морю хорошо организованный пиратский десант. Но многие гости города бежали к храму Христа, стоящему на возвышенности. С языческих времен божи храмы считались местом укрытия. У них оставалась слабая надежда, что и пираты не посмеют нарушить многовековые традиции. А предводители пиратов хорошо знали свое дело. Чего, не погрешив против истины, нельзя было сказать о коменданте гарнизона. Используя преимущество внезапного нападения, пираты впервые же минуты обезвредили форт и показали равдухам, кто является хозяином положения. Воины гарнизона были разоружены. К вечеру, почти три сотни пиратов стали хозяевами Гитио.

Капитан Хасан, сидя в здании курии, с изысканностью, весьма похожей на издевательство, определял размеры выкупа эпарху Горгио, со страха забывшему о своей спеси, и несколькими знатным людям города, оказавшимся в компании с градоначальником. Хасан милостиво заявил, что за сто тысяч золотых монет и пятьдесят голов скота он воздержится от превращения города в груды пепла. Пока один из главарей морских разбойников уточнял эти детали с перепуганным эпархом, другой главарь со своими подручными рыскал по городу. Он разыскивал актеров, зная, что среди них, наверняка, должна находиться цель его поисков – танцовщица Цира.

Во время поисков пираты занимались грабежом, пьянством и насилиями, как они обычно делали в подобных случаях. Поведение пиратов было отвратительно до тошноты. Трудно поверить, что люди, как бы низко они ни пали, могли дойти до таких пределов жестокости и разврата. Под бледным лунным освещением отдельные стычки продолжались до полуночи, и, судя по воплям, становилось очевидным, что пираты не намерены церемониться.

Баррикада росла на глазах. Вид сосредоточенно и целеустремленно работающих людей охлаждающим и успокаивающим образом действовала на окружающих. Кто-то, сначала в панике пробегал мимо, потом останавливался, минуту наблюдал, затем присоединился.

---

²¹ Атропатэна (или Мидия Атропатена, Малая Мидия) – историческая область и древнее государство на северо-западе современного Ирана.

Это сосредоточенное спокойствие, как волны от брошенного камня распространялось по всем прилегающим улочкам. Как если бы голос свыше дошел до каждого. Мечущиеся люди останавливались. Глаза приобретали осмысленное выражение, они разворачивались и бежали к храму. У баррикады их встречал Алан Каратер со словами:

– Женщины и дети в храм! Кто может сражаться остается со мной!

Через некоторое время настало краткое затишье, которое всегда бывает перед бурей.

– Рыжий! Сколько у тебя людей? – спросил Алан.

– Три воина и еще человек десять, мечей семь, у остальных ножи, кинжалы и дубье.

– Сивый! Сколько с тобой?

– Пятнадцать человек, девять ножей, две секиры.

– У меня также. Ну что ж, как говорится: «Не в силе Бог, но в правде». Если выдержим первый удар, то выстоим.

– Алан, дружище! Возьми себе хоть нож. – Сивый протянул ему клинок.

– Благодарю, Сивый! Но отдай этот нож безоружному обывателю. «Журавли» берут себе оружие в бою.

– Ну что ж, вольный «гусь» не уступит «журавлю». Я тоже возьму оружие в бою! – поддержал почин приятеля Сивый Конь и отдал свой меч безоружному горожанину.

– Вы два придурка, нашли время бахвалиться, – проворчал Эрман.

– Г-эрман! А тебе слабо? – Сивый, как большинство жителей с побережья у моря Асов, именуемого греками Меотидой, произносил слова с придыханием «гэ».

– Ты меня на «слабо» не бери! Два полоумных дельфина! – взорвался Эрман, но чуть погодя, не выдержал и присоединился к почину приятелей.

– Гот никогда не будет позади Руса, клянусь Аруной! Я вам покажу, как грейтунги рвут южан голыми руками!

Внутри храма стояла относительная тишина, прерываемая стонами раненых и бормотанием молящихся.

– Мама, мне страшно, ... прошептала Анастасия, прижавшись к груди матери.

– Настя! Чему я тебя учила? Посмотри в глаза своему страху, пропусти его через себя. И вот страх остался сзади, ушел, а ты стоишь очищенная и в равновесии. То, что было – забыто, то, что будет – неизвестно. Будем жить настоящим. И сейчас раненные люди нуждаются в твоей помощи. Принеси еще воды.

Снаружи храма у баррикады Алан обратился к защитникам с короткой речью:

– Ей, народ, слушать меня! Перед нами враг, за нами жены и дети. Бежать нам некуда. Стойте плечом к плечу столько сколько понадобится. Умрите, но стойте! За баррикаду не высовываться! Слушать команды старшин!

И только он закончил, как началось. Накатило. По узенькой улочке к храму выбежала девушка с распущенными волосами. За ней с хохотом и бранью гналась парочка бандитов. Они уже почти настигли ее, когда Алан внезапно преградил им дорогу. В руках у него ничего не было. Он подхватил плачущую девушку и передал ее на баррикаду. Несколько пар рук ее быстро приняли, и она исчезла за рукотворным валом.

Удивленный пират остановился, увидев баррикаду и человека с пустыми руками, стоявшего перед ней.

– Ага, попался, греческая собака! – Серdito закричал пират и бросился навстречу своей гибели.

– Смерть греческой собаке! – Подхватил второй и последовал за ним с некоторой задержкой.

– Надеюсь, что вы подготовлены для встречи со своим создателем Змеем? – вежливо осведомился Алан и с этими словами изящно уклонился от удара первого, зайдя ему за спину, слегка развернув, подставил под удар второго нападавшего, которому затем одним отработанным

ным движением свернул шею. Сделал он это очень умело, с искусством и спокойствием профессионала забавляющегося с любителями.

Пираты бесформенной массой рухнули наземь.

– Очень неплохо. И техника исполнения безукоризненна, – прокомментировал схватку Сивый.

Следом за первыми с улицы, ведущей от площади, выкатила темная, визжащая и улюлюкающая масса. Чадающие факела отбрасывали зловещие тени, подчеркивая свирепый вид нападавших людей. Завидев баррикаду, пираты, не останавливаясь, развернулись в линию атаки и встали. Из ее середины выдвинулся вожак. Это был хорошо известный среди разбойной братии капитан Лев из Триполи:

– Мне нужны мимы и танцовщицы! Остальных не тронем, – презрительно скривил губы пират.

– Мы можем подарить вам свирели, – криво усмехнувшись, ответил Алан. – Развлекайте себя сами, девочки.

– Вонючие шакалы! Если бросите оружие и станете на колени, возможно, сохраните ваши жалкие жизни, – прокричал разбойник в бешенстве.

– Если ты, еретик, развернешься и посадишь свой обгаженный зад на ту лохань, которая принесла тебя сюда, то возможно избежешь, быстрого свидания с подземным Змеем, – спокойно ответил Алан.

Все слова были сказаны. Переговоры закончились. Как волна накатывается на берег, так и визжащая и орущая людская масса нахлынула на баррикаду.

Глава вторая: военные и бюрократы

Великая Римская империя распалась. В западной и северной части бывшей державы свирепствовали голод, чума, гонения. В то же время южные и восточные области империи на Пиренейском полуострове и в Азии, отторгнутые Арабским халифатом, находились на пике своего расцвета. Тут процветали наука и искусство.

Хранительницей бывшей римской культуры и христианской веры оставалась западная часть римской империи – Византия. Непобежденный осколок бывшего государства на земле Греции. Тень бывшей мощи. Надежная связь с городами была только по морю, поэтому флоту в государстве уделяли особое внимание.

Опорой императорской власти Византии являлся многочисленный чиновничий аппарат и армия. Костяк армии состоял из регулярных частей императорской гвардии и ипастасиев, дружин крупных землевладельцев: аристократов и архонтов. В период тяжелых войн в армию призывались стратиоты – свободные граждане городов и крестьяне. Для завоевательных войн широко использовались наемные войска союзников и федератов. Причем федераты на службе могли получать государственные должности и титулы с соответствующим денежным содержанием. На отвоеванных территориях восстанавливались ромейские города. Отслужившие свой срок легионеры становились ветеранами. Наградой за верную службу был участок земли, выделенный государством в собственность и помощь от государства в подъеме хозяйства. На выделенной земле ветеран мог построить дом, обзавестись семьей и завести нехитрое земледельческое хозяйство. Со временем федераты становились гражданами Нового Рима – византийцами.

Захват рабов, конечно, был чудовищно жестоким действием. Но чем дальше, тем на меньший срок раб оставался рабом. Неэффективность рабского труда была очевидна. Выучившего язык, принявшего веру и начинавшего исполнять законы государства раба старались отпустить на свободу. Вольноотпущенник, как правило, оставался на земле, выделенной хозяином поместья. Тем самым, сохраняя связи со своим господином. А его дети и внуки, конечно же, уже считали себя ромеями.

Во времена, когда происходили описываемые события, могучая держава сузилась до размеров города Византия, официально переименованного в Константинополь. Его владения распространялись на черноморское побережье Малой Азии, Пелопоннес и южную часть Аппенинского полуострова. Постепенно Византия набирала силы и расширяла свои владения. Византийское гражданство являлось цементирующей силой, сплачивающей разноязыкое содружество. Подданный возрождающейся империи был сначала ромеем, а уж потом греком, сирийцем, фракийцем или представителем иного народа.

Представитель древней династии, базилевс базилеон или царь царей Константин по прозвищу Багрянородный²² был одним из образованнейших людей своей эпохи. Покровитель наук, автор сборников сочинений и трудов по усовершенствованию управления государством. Его власть опиралась на синклит иначе сенат и церковь. При некоторых привилегиях сенаторов и клириков все граждане были равны перед законом. Свободные граждане составляли большинство населения государства. Равенство было неформальным. Любой гражданин Византии при наличии известных способностей и удачливости мог войти в господствующую прослойку и даже получить высшую должность – власть не наследственную, а переходящую к «достоинейшему».

Непростое наследство досталось Константину. На западе – королевства воинственных франков, где бывшие предводители наемников истребляли старую аристократию и делили

---

²² Константин VII Багрянородный – византийский император из Македонской династии, номинально с 913 г., фактически с 945, по 959.

между собой земли Римской империи в Европе. На юге и востоке – осколки могучего Халифата, поглотившего наиболее богатые имперские территории. На севере Византия граничила с болгарским каганатом. Но самая большая угроза исходила с северо-востока, из города Атиля в устье реки Итиль²³. Оттуда, где расположился центр Всемирной торговой организации рахдонитов. Непримируемый соперник и конкурент, претендующий на право мирового господства. Торговая сеть рахдонитов опутала своей паутиной весь мир. Ее председатель, малех, держа за невидимые паутинки, контролировал получение сверхприбылей для своей организации. Но для этого нужны были безопасные пути и стерегущие их послушные цари. Чтобы сделать послушного государя, князьям и герцогам сужались кредиты, а потом заемщика превращали в послушную марионетку. А упрямых и неугодных правителей свергали. Не брезговали грязные торгаши и прямым подкупом.

И все же некогда могучая держава, сузившаяся до размеров одного города и окрестностей, вновь возрождалась. Этот осколок былого величия под умелым управлением Константина Багрянородного вновь поднимался из праха. Лишь одно тревожило базилевса: в какие руки попадет держава после его кончины. Любимая супруга, севаста Елена, подарила ему пять дочерей и только одного сына, наследника престола. Как всякий отец, он очень любил своего сына, Романа. Сам обучал его и внушал питать благочестие к Богу. «Коли все это соблюдешь, долго будешь царствовать над ромеями», – говорил он сыну.

Но у царя царей каждый день и государственных дел было невпроворот. Отовсюду слали ему письма военные стратеги провинций, гражданские главы фем и прочие должностные лица. Он проглядывал письма с быстротой птицы и при этом еще находил время, чтобы принимать послов, отправлять послания чиновникам, отменять опрометчиво сделанные нововведения. За неимением свободного времени, курировать обучение Романа он поручил брату жены и своему доверенному лицу – своему спальничему или иначе паракимомену Василию Нофу, главе имперских бюрократов.

На море дул ласковый теплый ветерок. Солнечные лучи расцветивали бирюзовую гладь. Вдоль греческого побережья не спеша шла эскадра из трех кораблей. Впереди шел «дромон», царская огненосная триера. За нею две галеры сопровождения. Дромонами, дословно «бегунами» в Аравии называли одnogорбых верблюдов, ценимых кочевниками пустыни за их неутомимость и скорость. За те же качества «дромонами» прозвали и большие военные триеры византийского флота.

Дромон представлял собою длинный весельный корабль, на котором гребцы располагались в три яруса у обоих бортов. Для такого судна требовалось двести тридцать человек команды, и оно вмещало дополнительно шестьдесят воинов морской пехоты. Дромоны снабжались специальными сифонами для выбрасывания на вражеские корабли «греческого огня». Этот состав из смолы и серы нельзя было потушить водой. Секрет его приготовления сохранился в строжайшей тайне.

На капитанских мостках царской галеры у наварха Никиты Халкуца собралась компания весьма высокопоставленных пассажиров. Они беззаботно пили прохладительные напитки, ели фрукты и беседовали, добродушно подтрунивая друг над другом.

Одним из них был наследник престола цезарь Роман. Это был красивый юноша, с пшеничного цвета волосами, розовыми щеками и красивыми глазами. Высокий, широкоплечий, «стройный, как кипарис». В речах он был приятен и спокоен, имел приветливые манеры. Все поражались и восхищались этим юношей. Созданный, чтобы нравиться, он любил увеселения, любил хорошо поесть и еще многие другие удовольствия. Вместо занятий науками он только и думал, что о приключениях и всяких забавных проделках.

²³ Устье современной реки Волга.

Его собеседником был стратиг фемы Анатолик Никифор Фока. Человек лет тридцати, среднего роста, большеголовый, как все жители горных районов провинции Первая Армения. Цвет лица его более приближался к темному, чем к светлому. Волосы были густые и черные. Нос не тонкий и не толстый, а борода правильной формы, с редкой сединой по бокам. Стан у него был округлый и плотный. Грудь и плечи очень широкие, а мужеством и силой он напоминал прославленного Геракла. На загорелом и обветренном некрасивом лице, притягивали внимание черные глаза, озабоченные размышлением. Они прятались под мохнатыми бровями. Колючий взгляд, казалось, пронизывает насквозь. Облик и жесты выдавали в нем человека обладающего большой силой воли.

Триста лет назад цезарь Ираклий своим указом запретил горожанам говорить на латинских и семитских языках. С тех пор, греческий язык, изучавшийся в школах как иностранный, стал государственным. На нем стали вестись службы в церквях. За прошедшее время, греческий стал родным для жителей Царского города. Но Никифор Фока, как и большинство жителей азиатской части страны, в быту продолжал говорить на арамейском диалекте семитского языка. Звучный титул, звучавший по-латински как «цезарь», или по-гречески «кесарь», с его губ слетал, как болт арбалета – «к-цр».

– Никифор, а почему ты не хотел брать меня с собой? Знаешь, как долго я уговаривал отца, чтобы он позволил мне поехать с тобой? – спросил Роман, единственный наследник царя царей.

– Я не очень-то гожусь на роль няни для цезаря. Еще не уберегу... – шутливо ответил Никифор.

– Но потом я передумал, – продолжал рассуждать Никифор. – Если я спасу юного цезаря от душных дворцов, приемов и этикетов, а так же нудных занятий по риторике и философии, то взамен он спасет меня от компании бюрократа, способного говорить только о прибылях и налогах, – кивнул Никифор на третьего пассажира. – И подумал, что цезарь внесет разнообразие в нашу компанию в этом наискуднейшем плавании с визитом вежливости в Рим. В гости к герцогу Октавиану²⁴.

– Говорят, он любит общество куртизанок? – поинтересовался Роман.

– А еще он охотник, игрок и пьяница, – подтвердил Никифор. – Ну, прямо вылитый мой двоюродный брат со стороны матери, Ной Цимисхий. Ох уж этот Ной! Правда, он не пьет за здоровье Сатаны, как Октавиан. Но, несмотря на это вы с герцогом, как ровесники, вполне можете найти общие интересы.

– Ты хочешь, чтобы я пил с ним за здоровье Сатаны? – ухмыльнулся Роман.

– Нет. Я имею виду охоту, игры и гулянки с девицами. Тебе самое время. А для меня все это скука неимоверная. Не с кем подраться.

Еще один из пассажиров, спальничий базилевса Василий Ноф нисколько не обиделся на словесный выпад Никифора в свою сторону. Как у всякого евнуха, у него было гладкое, холерное лицо. Внебрачный сын болгарки и свергнутого базилевса Романа I Лакапина²⁵, Василий был человеком умным и рассудительным, хотя и несколько прижимистым. Он весьма удачно и примерно во всех делах помогал Константину, женатому на Елене, законной дочери Романа Лакапина. В борьбе Багрянородного за скипетр с сыновьями Романа Стефаном и Константином, Василий Ноф выступил против своих сводных братьев. Оставшись единодержавным властителем, Константин сразу же назначил Василия патрикием, паракимоменом и управляющим синклитом.

---

²⁴ Пантифик Рима папа Иоанн XII (955 – 963). В миру – герцог Октавиан Тусколо, сын Альбериха II Сполетского и Альды Арльской (дочери Гуго Итальянского), по материнской линии потомок Карла Великого.

²⁵ Роман I Лакапин (ок. 870—948) – византийский император с 920 по 944 год, происходивший из армянских крестьян.

– Друг мой Никифор! Мы едем в Рим не для того, чтобы наследник Роман гулял с блудницами Октавиана! А чтобы показать расположение Византии герцогу Тусколо, хозяину Вечного города. – Начал говорить Василий наставительным тоном. – Позволь напомнить тебе и цезарю, что в Вердене наследники Карла Великого²⁶ разделил его державу на три королевства: французов, немцев и итальянцев. Но при этом Аппенинский полуостров оставался римским, во владении Византии. Но в Ломбардии после смерти итальянского короля Лотаря равновесие нарушилось. Ломбардия или иначе Италия стала немецкой и на очереди остальная территория полуострова. И Рим – ключ в этой борьбе.

– Тоже мне проблема? Экспедиционный легион Византии расчистит полуостров, как это уже делалось не раз, – скривил губы Никифор.

– Не все решается силой. Я напомню тебе, с чего все началось. – Продолжал, словно читал лекцию Василий. – Претендент на трон Беренгар²⁷ маркграф Иврейский взялся за дело весьма ретиво. Чтобы узаконить свое положение короля, Беренгар велел женить своего старшего сына на молодой вдове цезаря Лотаря Адельгейде. Но вдова оказалась с норовом, за что и подверглась заточению. Из заточения она сбежала к своему деверю герцогу Октавиану Тусколо в Рим. Тогда Беренгар велел Октавиану вернуть беглянку. Но римские аристократы не желали выполнять требования итальянца, хотя юридический император Римской империи, базилевс Византии, был на стороне маркграфа. И тогда папа Агапит II²⁸ воззвал к восточным франкам, умоляя спасти Рим от «злого» короля Беренгара. А для пушей убедительности, герцога Лотарингии Бруно, брата короля Оттона папа Агапит рукоположил архиепископом Кельна.

В благодарность за это «благородный» Оттон поспешил привести войско рыцарей и баронов в Италию по призыву папы Агапита. Прямо как когда-то Аттила ринувшийся в Италию «за спасением чести» девицы Гонории. Новый «спаситель обиженных вдовиц», перейдя Альпы с цветом норманнских баронов, так напугал ломбардийцев, что войско Беренгара разбежалось, даже не вступив в схватку. Благодарная «жертва обстоятельств» немедленно отдала руку и сердце своему освободителю. Этот политический брак на вдовствующей Адельгейде, юридически отдал во власть Оттона всю Ломбардию, итальянское королевство.

Правда сам Оттон предпочитает жить в более суровом климате севера. Поэтому только подписал с местными аристократами вассальный договор в качестве их сюзерена. Даже Италию, как немецкий лен, он оставил тому же Беренгару изъязвившему покорность. Хотя уже без маркграфства Вероны и герцогства Фриульского, которое он подарил своему брату Генриху, герцогу Баварскому.

Вассальный договор подразумевает службу по призыву в войске Оттона в течение сорока дней в году. И король не вмешивается во внутренние дела итальянских аристократов. Мягкие условия вассалитета привлекли многих. Понтифик Агапит тоже служит королю восточных франков. У них сложился взаимовыгодный альянс. В его дела не вмешиваются, а за это папа рукополагает епископов не за их веру, а за их преданность правящей династии. Чтобы обезопасить себя от вмешательств Беренгара, теперь и герцог Октавиан подумывает стать вассалом Оттона. – Тонем учителя излагал произошедшие события Василий.

– Успокоил, – усмехнулся Никифор. – Но почему базилевс делает трагедию из-за этого Оттона? Он что, первый? Так уж повелось там со времен Римской Республики. Очередному наемнику надоел беспорядок среди нанимателей. И он навел порядок среди местной аристократии. Став цезарем, посадил псов патрициев на короткий поводок. Не о чем беспокоиться, –

²⁶ Карл I Великий (747—814) – король франков с 768 (в южной части с 771) года, король лангобардов с 774 года, герцог Баварии с 788 года, император Запада с 800 года. По имени Карла династия получила название Каролингов (королей).

²⁷ Беренгар II (Беренгар II Иврейский) – король Италии (950—963) из Иврейской (ewgi – на индоарийском «с той стороны [реки]»). В данном случае имеется в виду река По) династии Анскаридов.

²⁸ Агапит II – папа римский с 10 мая 946 по 8 ноября 955. Римлянин по происхождению.

рассуждал Никифор. – Интересно, сколько времени Беренгар сможет сносить положение вассала у норманна?

– Беренгару остается пока только скрипеть зубами, – так же рассудительно продолжал излагать Василий. – Немецкий варвар не так глуп. Он использует христианских епископов, как узду для заносчивых и независимых баронов. Не извольте подчиняться – получите обвинение в ереси и отправляйтесь на костер. Он строит сильное государство на западе. И поэтому становится потенциально опасным для Византии. Наш визит вежливости – это, прежде всего, политический акт, напоминающий римским аристократам и заезжим норманнам, кто является истинным хозяином в государствах бывшей Римской империи.

– Ладно, ладно, уяснил, – отмахнулся Никифор. – Что ж навестим Октавиана с Агапитом. Пусть и дальше остаются вассалами Оттона и запугивают им Беренгара. Кстати, говорят, что бароны Оттона так боятся смерти, что покрывают железом не только себя, но и своих коней, – заметил Никифор.

– Не думаю, что боятся, – таким же ровным голосом возразил Василий. – И нельзя недооценивать фронтальный удар тяжелой рыцарской конницы. Покрытые тяжелыми доспехами рыцари-норманны составляют конкуренцию легковооруженным берберским наемникам из Африки. В Риме сейчас много этого сброда. Иногда там проходят состязания. Если тебе там станет совсем невмоготу, сможешь облегчить душу в хорошей схватке на ристалище. И сам составишь представление о западных рыцарях, если по пути туда не произойдет нечего непредвиденного. Ведь берберские пираты кишат в Средиземном море.

– Что может произойти в пути? И чем же это так опасны берберы? – Презрительно скривил губы Никифор. – Обычные пираты и грабители. В лучшем случае наемники.

– Я знаю! – Встрял в разговор Роман. – Мы проходили это на факультете, в разделе о мусульманских сектантах, которые в Персии зовутся шиитами. У нас это павликиане, в Багдаде – карматы исмаилиты, а в Африке – фатимиды. И те и другие грабят и убивают, своих же собратьев по вере, но инакомыслящих. В отместку сектантов травят, как бешеных собак.

– А твой отец говорит, что ты ничего не знаешь и учишься плохо, – удивился Никифор. Роман засмутился от похвалы своего кумира.

– Юный цезарь прав, – поддержал Романа и паракимомен Василий. – Воинственных берберов и туарегов нанимают в свои отряды князь Лангобардии с Аппенинского полуострова. Вместе с наемниками на полуостров попадают и имамы фатимидов. Они сеют смуту и вражду. С берегов Африки ползет карматская зараза. Мы когда-то потеряли Сицилию и Крит. Если ничего не предпринимать, то на очереди наши южные провинции на полуострове.

– Но зато морской путь безопасен, – гнул свою линию Никифор. – С халифом африканского Магриба подписан, хоть и худой, но мир. Эмиры Крита, Сицилии и прочие пираты тоже сдерживают своих морских псов, остерегаясь имперского флота. Скучно.

– Мир миром, но именно в таком же безобидном путешествии, пять лет назад от рук берберских пиратов погибла юная Берта, дочь Гуго, графа Арля и жена цезаря Романа. Помнишь ее, Роман? – Василий с некоторым любопытством посмотрел на наследника. – Ты был мальчиком, когда тебе ее сосватал базилевс Лакапин. Если бы не тот несчастный случай, быть бы тебе Роман законным цезарем Италии. И не маячил бы теперь Оттон «спаситель вдовиц» у ворот Рима.

– Что я могу помнить? Мне едва тогда минуло 10 лет, а она была уже взрослой девушкой. Иногда мы играли, но больше времени она проводила со своим братом епископом, – проворчал Роман.

– Что поделает Роман. Не зря ведь говорят, что любовь и скипетр дружбы не водят, – вздохнул Василий. – Но после той выходки пиратов базилевс Константин действительно вышел из себя. Он снарядил большое число огненосных триер, добавил к ним вспомогательный флот

федератов и отправил к Криту. В то время твой Багрянородный отец надеялся одним ударом овладеть всем островом. Но...

– И получилось бы, – в сердцах воскликнул Никифор и ударил кулаком по перилам ограждения. – Если бы не трусость жалкого бездельника Константина Гонгилы. Любимца твоей бабки Зои, матери Константина Багрянородного. Престарелый евнух – командующий военным флотом. Благодаря этой бездарности, все собранное войско было разбито и уничтожено пиратами, – возмущался Никифор. – Запомни, Роман, если бы командование флотом доверяли военным, а не дворцовым бюрократам и лизоблюдам, давно от пиратов не осталось бы и следа.

– А ты, Никифор, справился бы с пиратами на море? – Спросил Роман.

– Несомненно, – не колеблясь, ответил Никифор.

– Позволь усомниться, – возразил Василий. – Ты, Никифор, великий стратег на земле, и неоднократно это доказывал. Но пираты, между прочим, искуснейшие моряки. И для сражения с ними надо знать кораблевождение и много чего еще.

– Ха! – ответил Никифор. – Для кораблевождения есть капитаны навархи. Умелые и отважные, как наш наварх Никита. А пиратов надо бить не только в море, но и на суше. И самое главное, если речь идет о Крите, отсечь пиратов от Ливийского, Египетского и Сирийского берегов, от баз снабжения, а затем...

– Эк тебя занесло, – проворчал Василий. – Тут удержаться бы на азиатском берегу Босфора, а он про Магриб и Сирию.

– На горизонте дым! – Послышался крик впередсмотрящего с мачты.

– Накаркали, – поникшим голосом заметил Василий.

– Что тут у нас впереди, Никита? – Спросил Никифор у наварха.

– Порттовый город Гитио в Лаконии, – незамедлительно ответил тот. – Похоже на нападение пиратов.

– Что думаешь предпринять, наварх? – Снова любопытствовал Никифор.

Наварх Никита в жизни был добродушным и упитанным евнухом. Но в случае необходимости он мог придавать своему голосу твердость металла:

– Передать сигнал на корабли сопровождения: «построение в линию». Приготовить огнеметные орудия, – отдал он приказ. Потом обернулся к Никифору:

– Похоже, пираты еще в городе. Горизонт чист.

– Возможно.

– Тогда я выйду из-за мыса и перекрою пиратским кораблям выход в море, ну, а всю славу наземного сражения предоставлю тебе, – предложил Никита. – Как ты и хотел.

– Приемлемо, – согласился Никифор и мгновенно собрался, как волкодав, почувшавший волка.

– Бодливые бараны! Вам бы только подраться. Вы, верно, забыли, что на корабле находится наследник престола? – возмутился Василий.

– Верно, заметил, паракимомен. – Никифор добродушно пропустил нелестный выпад в свою сторону и повернулся к юноше. – Роман, смотри на представление, но не высовывайся с корабля наварха Никиты, а то басилевс мне голову снесет. А ты, Василий, будь добр, присмотри за наследником...

– Ах, ладно, – махнул рукой Василий, который звону мечей предпочитал скрип стила по доске и подсчет прибыли. – Играйте в свою войну, детишки переростки...

Город понемногу оживал. Голоса радости от встречи потерянных родных перемежались со стонами скорби по павшим горожанам. По улицам ходили вооруженные отряды императорской гвардии и военных моряков, выискивая затаившихся пиратов. Внезапное появление боевых галер, высадивших десант и перекрывших путь в море, было для пиратов столь же обескураживающим, как для города появление самих пиратов.

Налетчики не успели собраться после разгульной ночи. Их отдельные очаги сопротивления были безжалостно подавлены. Горстка уцелевших морских разбойников ушла в горы. За ними немедленно снарядили погоню. В погоне участвовали как гвардейцы, так и множество ополченцев из местных горожан.

В разгромленном здании курии Никифор расположил свой временный штаб. Возле него находились и Василий с Романом. Сюда прибегали вестовые с докладами от командиров отрядов, сюда же приходили уцелевшие городские чиновники, представители цехов и корпораций и разнообразные просители.

Нахмутив брови, Никифор выслушал доклад Демны, коменданта гарнизона обладавшего полицейской властью. Тот был жалок.

– Почему убили городского эпарха? Ведь он собрал требуемый выкуп, – недоумевал Никифор.

– Не могу знать, друнгарий, – виновато пожал плечами начальник равдухов. – Могу предположить, что его убили в гневе, когда стало известно, что в городской стычке погиб один из пиратских вожаков.

– А почему ты и твои бездельники не смогли защитить город? Даже при всей убогости ваших стен, их хватило бы на то, чтобы продержаться до прихода помощи из столицы провинции.

– Мой господин! У пиратов были пособники, которые прошли в город под видом торговцев. Стража у ворот была перебита сразу же, а по улицам города пиратов провели соглядатаи, – оправдывался Демна.

– Допустим, ворота в город вы прозевали. А где была, разрази вас гром, охрана эпарха, куда подевались равдухи с улиц?

Чиновник закатил глаза и развел руками.

– Христофор! – Обратился Никифор к одному из своих помощников. – Много пленных? Надо дознаться у них, кто из местных помогал разбойникам.

Тут вбежал один из вестовых.

– Друнгарий! Отряд Марка в порту обнаружил ящики с золотыми и серебряными монетами. И много мешков с награбленным добром. Их складировали в портовом амбаре, перед тем как загрузить на корабли.

– Хвала Богу! – Тут же подал голос Василий и засуетился. – Вероятно это казна эпарха. Государственный налог не должен пострадать от этих беспорядков. Никифор, я оставляю Романа на твое попечение. А сам немедленно отправляюсь в порт!

– Как скажешь Василий. Играй с монетками, детка, – не преминул вернуть приятелю долг Никифор. И отдал распоряжение другому помощнику: – Эфикл! Выделить отряд сопровождения для паракимомена Василия!

С гордым видом Василий степенно прошествовал к выходу, не обращая внимания на едва сдерживаемые ухмылки грубой солдатни.

– Христофор! Ну, так что говорят пленные? – Снова спросил Никифор помощника, как только за паракимоменом закрылась дверь.

– Друнгарий! Пленных не очень много, – доложил тот. – Пираты не хотели сдаваться, а наши воины не хотели брать их в плен. Зато задержано несколько северных варваров, а в порту среди кораблей торговцев и пиратских галер, обнаружено судно норманнов. Возможно, это и есть пособники пиратов.

– Христофор, нужно провести тщательное расследование, опросить свидетелей. – Никифор взглянул на своего помощника. – Это я поручаю тебе.

– А что делать с комендантом? – спросил другой помощник.

– Дальнейшую его судьбу пусть решает новый эпарх. А сейчас городу нужен закон и порядок. Пусть равдухи снова патрулируют улицы. Проследи, Эфикл.

– Друнгарий! К тебе просится ректор Алан Каратер, – доложил стражник у двери.

– Пропусти, – разрешил Никифор.

В зал совещаний вошел Алан в сопровождении варяга.

– Приветствую тебя, друнгарий Никифор. Воистину сам Бог направил ваши корабли к нашему берегу.

– Обойдемся без лесты, ректор, – прервал его Никифор. – У тебя есть ко мне что-то конкретное? И что за варвара ты привел с собой?

Собравшиеся в зале зашушукались, кое-где раздались смешки.

– Позволь представить тебе моего спутника, – сохраняя невозмутимое спокойствие, ответил Алан. – Это рих Эрман Рыжий, предводитель морских наемников из Таврии. У латинов он известен как рэкс Герман, у сарацин как эмир Есман, у норманнов как секонунг Эрик. Герб его отряда: «Желтая ладья на синем море». Его ладью арестовали в порту, так же как и некоторых его людей.

Больше никто не смеялся. Все знали грозную репутацию варягов или, как они себя называли викингов – вольных морских наемников, диких «гусей», сделавших войну своей профессией.

– Так много имен у одного человека, – хмыкнул Никифор. – Рекс, значит, титул ты получил от Святого отца из Рима? – Спросил Никифор, сверля пронизывающим взглядом норманна.

– Немного не так, друнгарий.– Видя, что Рыжий готов взорваться, Алан вступился за товарища. – Наемники нуждаются в звонкой монете. И высокая должность сама по себе не дает золота. Вот римский наместник рих Федор²⁹ и предложил пантифику Рима торговать титулом рекса, закрыв глаза на то, что тот является наследственным и передается по праву крови. А вот у риха или иначе рекса Эрмана Рыжего на его родине в стране Дори, этот титул по-прежнему передается по наследству. Пусть даже кроме титула из наследства больше и нет ничего.

– И для чего же нужен титул, если в кармане нет ни единой монетки? – Усмехнулся Никифор. – Выходит и высокое звание само по себе золота не дает.

Обстановка разрядилась. В зале раздались смешки.

– Владеющий титулом имеет право набрать дружину, стать вождем и взять все, что ему необходимо, – просто ответил Алан. – Секонунг Эрман не имеет земельных владений и ведет странствующую жизнь наемника – варяга на своем корабле. И у него есть отряд преданных ему воинов. Он остановился в нашем порту, в качестве моего гостя, по дороге на полуостров Иберию. Я готов поручиться за него и его людей. Во время пиратского набега мы стояли плечом к плечу при защите городского храма. Это может подтвердить и местный священник.

– Твоего ручательства достаточно, ректор, – махнул рукой Никифор. – Но позволь тебе заметить, что Детерих из Равенны поступил намного умнее твоего гостя и заработал намного больше, – снова поддел Рыжего Никифор. – Он позволил римскому папе продавать то, что нельзя пощупать и попробовать. А папа, как фокусник, превратил пустой звук в звонкую монету. Любой, имеющий достаточно золота, теперь может называть себя рексом. И у него будет папский пергамент, который можно посмотреть и пощупать, с гербами и печатями удостоверяющими его. У королей это модно, а папе выгодно.

Собравшиеся в зале стали переговариваться и шушукаться. Где-то послышались смешки.

– Да что там титул какого-то рекса. Римский папа не постеснялся в свое время продать Карлу франкскому даже несуществующий титул императора Западной Римской империи.

---

²⁹ Вождь остготов (тервингов) из рода Амалов Теодобрих Великий (лат), Детерих-Дитрих Бернский (нем), сын Теодемира, внук Вандалара, правнук Винитария (Венда Амала) (451 – 30 августа 526). Возглавил Готов, покинувших Таврию в результате сармато-готских войн. В 489 году вторгся в пределы Италии и к 493 году завоевал весь Апеннинский полуостров и Сицилию, Предальпийские области и Далмацию. С 493 по 526 единоличный правитель западного царства остготов (цезарь Италии), со столицей в Равенне.

В зале снова раздались смешки. Выдавил из себя кривую ухмылку и Эрман Рыжий. Разрядив обстановку, Никифор стал расспрашивать наемника уже серьезно:

– Сколько у тебя воинов, и по какому такому делу, ты направляешься на запад?

– Со мной вместе сорок два воина. Говорят, халиф Кордовы³⁰ нанимает викингов для войны с африканскими берберами. В наших краях сейчас холодно, а здесь уже не так жарко, – с акцентом, трудно подбирая слова, отвечал Эрман.

– А почему не к агарянам на Крит или Сицилию? У тамошних эмиров тоже есть твои соплеменники норманны.

– На Крит не пойду, потому, что там нужно будет верить в Мессию Ифрикии. Гораздо больше наемников идут к халифу Абдурахману в Кордову. У него тоже за службу платят золотом, но не требуют сменить свою веру.

– Очень хорошо, викинг. Я понял, к чему ты клонишь. Тебе не надо искать службы так далеко. Храбрые воины ценятся везде. Как стратиг Анатолии, я найму тебя и твоих людей. И в свою веру насильно обращать не буду.

– В империи умеют ценить профессионалов. – Эрман почтительно склонил голову, выражая согласие.

– Пока что присоединишься к отряду кораблей наварха Никиты. Плата будет стандартная, двадцать золотых на душу и премия – доля с добычи. В Византии достаточно мест, где храбрецам найдется возможность завоевать славу, а заодно и пополнить кошелек. – Закончил разговор Никифор.

Алан нетерпеливо прочистил горло, вновь привлекая к себе внимание Никифора.

– Что-то еще ректор? – Никифор удивленно вздернул бровь.

– Да, есть еще просьба.

– Что еще? – Скривился Никифор. – Если по поводу золота, то это к паракимомону.

– Нет, нет. – Поспешно успокоил его Алан. – Это по поводу спектакля. – Видя заинтересованный взгляд Никифора, пояснил: – На завтра, на стадионе было запланировано выступление местной театральной труппы мимосов. Позволь не откладывать представление и провести его в честь победы византийского флота.

Никифор минуту размышлял.

– Что ж, город приходит в себя после погрома. Людям надо отвлечься от его последствий. Что будут показывать?

– Вторую часть трилогии о похождениях хитроумного Одиссея. Первая часть, как известно – комедия, третья – трагедия. В данном случае они будут не к месту. Но вторая часть, мелодрама, будет в самый раз.

– Неплохой выбор. – Одобрил Никифор. – Кстати, ректор, пленные утверждают, что в городе Лев Триполитанский охотился за группой мимосов. Не знаешь почему?

– Не имею ни малейшего представления, – развел руками Алан. – Но поскольку моя супруга, госпожа Цира возглавляет театр Гитио, позволь, друнгарий, считать тебя и твоих спутников моими гостями на этом представлении.

По площади пробежал глашатай, который во все горло расхваливал предстоящее представление и мимов выступавших в Амфитеатре. Со всех концов города народ повалил к месту представления. Амфитеатр находился на склоне холма и полукругом охватывал площадку сцены расположенной у его подножья. За сценой располагались помещения мимов: примерные и комнаты для реквизита. Заплатив две медные монетки, люди проходили по крытым коридорам, ведущим к местам для зрителей. По установленному порядку нижние ряды занимали представители мужской половины. Женщины занимали огороженные верхние места театра,

---

³⁰ Столица Кордовского халифата, занимавшего почти весь Иберийский полуостров. Современная Кордова в Испании.

куда проходили по отдельному входу. Зрители занимали места, шумно обмениваясь последними городскими новостями и слухами. Человек не может долго грустить. Веселый гомон царил в Амфитеатре. Скамьи были переполнены.

В огороженной центральной ложе почетных гостей встречал ректор Алан и начальник равдухов Демна, который изо всех сил стараясь услужить высоким гостям. Словно не замечая Демны, Никифор на правах старого знакомого представил Алану своих спутников.

– Ректор, представляю тебе цезаря Романа, паракимомена Василия и наварха Никиту.

– Мы слышали, что мимосы Гитио не уступают в мастерстве столичным мастерам. И теперь хотим в этом убедиться сами. – Несколько свысока, но вполне любезно добавил Василий.

Как только в ложе показались Никифор с сопровождающими, зрительские ряды взорвались криками:

– Хай кайсар! Хай Никифор! Слава цезарю! Хвала Никифору! – Скандировали трибуны.

Слуги поднесли гостям молодое вино. Отпив глоток с видом знатока, Василий одобрительно хмыкнул: – Редкий букет.

–Эту прекрасную молодую кровь виноградной лозы разливали на прошлой неделе. – Тут же с заискивающим видом заговорил Демна.

Ответ патрикия утонул в громе аплодисментов. На сцену вышли мимы. Один из актеров тут же показал репризу, как засмотревшись на ложу гостей, человек оступился и чуть не упал. Это вызвало взрыв смеха на трибунах.

А потом началось представление.

– Кто эта милая дева, что играет Цирцею? – спросил Василий у ректора.

– Моя дочь Анастасия. Так же талантлива, как и ее мать, – ответил ректор и после небольшой паузы попросил Василия, как самого старшего по титулу и положению в государстве:

– В моем имении сегодня, после представления, будет устроен торжественный пир по случаю отражения пиратского нападения. На него приглашены местные землевладельцы и руководители цеховых объединений. Прошу тебя, паракимомен, оказать мне честь и быть со своими спутниками сегодня вечером моими гостями. Я представлю вам своих домочадцев.

Василий немного подумал и снисходительно кивнул:

– Я принимаю приглашение.

В греческих городках и поместьях редко придерживались строгого этикета поведения, принятого при дворе царя царей. В Спарте в ходу было более демократичное отношение между полами, чем на материковой части империи. Раздельные застолья обходили, сервируя столы в тенистых парках. Собравшиеся гости свободно общались, гуляя по аллеям, мимоходом утоляя голод и жажду возле столов, уставленных фруктами и прохладительными напитками.

– Роман, позволь представить, очаровательную Цирцею, дочь ректора Алана, несравненную Анастасию. – С этими словами паракимомен подвел девушку к Роману. У Романа округлились глаза, и перехватило дыхание.

Девушка была небольшого роста, но словно выточена из слоновой кости. Постоянные танцевальные упражнения придавали ее движениям грациозность. Цвета темной меди волосы и синие глаза говорили о твердом, но романтичном характере.

– Анастасия, красивое имя, как и носящая его, – произнес Роман, едва справившись со своим дыханием. – Речь его была вкрадчивой и обольстительной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.